

© 1991 г.

З. И. Власова

НОВОЕ О А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГЕ

(К 160-летию со дня рождения)

А. Ф. Гильфердинг (1831—1872 гг.), известный собиратель и издатель онежских былин, бесценного сокровища русского эпического наследия, славист, соединивший с книжным изучением истории славян живую практику «полевого» собирания материала, мечтал о свободе и независимости славянских народов и объединении их в единое государство с равными правами для всех. Письма Гильфердинга к И. С. Аксакову настолько ярко выражают его подлинные взгляды на национальный вопрос, что служат самым сильным оправданием против имевших место обвинений ученого в панславизме и русофильстве: «Свободное развитие народных элементов во всякой местности, безусловная равноправность народностей и внутренняя необходимость для каждой народности, если она сильнее, быть союзницей слабейшей в устранении того, что может стеснить ее свободное развитие...»¹

И мировоззрение Гильфердинга, и его биография изучены далеко не исчерпывающим образом. Одна из причин — утрата личного архива ученого. По сообщениям периодики конца XIX в., архив должны были разбирать К. Н. Бестужев-Рюмин и В. И. Ламанский, но никаких следов этой работы нет². Немногие документы биографического характера и письма уцелели в личных фондах разных лиц и рассеяны по разным архивохранилищам. Научная биография ученого отсутствует и в четвертом, советском издании «Онежских былин». Что же касается его фольклорного наследия, то приходится признать, что с конца 1950-х годов «в изучении его не сделано сколько-нибудь заметных успехов», на что указывалось более 30 лет тому назад³. Цель настоящей статьи — способствовать в какой-те мере решению названных проблем.

1. Детство и отрочество Гильфердинга прошли в Польше. Отец его был директором дипломатической канцелярии при графе И. Ф. Паскевиче. Никаких сведений о матери в доступных нам биографических материалах нет. Получив прекрасное домашнее воспитание и блестящее образование, он рано увлекся историей славян и еще в отроческом возрасте написал свое первое сочинение о них. Став в 1848 г. студентом историко-филологического факультета Московского университета, он вскоре сблизился с кружком славянофилов и посещал известный в Москве салон Елагиных, где живо и заинтересованно спорили об исторических судьбах славян, значении их поэзии и культуры, о собирании и издании народных песен. Это обстоятельство окончательно определило характер научных интересов будущего слависта. Он написал магистерскую диссертацию у известного профессора О. М. Бодянского и после ее защиты был принят на службу в Министерство иностранных дел по Азиатскому департаменту, в ведении которого были южные славяне, находившиеся под властью Турции. Почти ежегодно сопровождая во время отпусков больного отца для лечения в Европу, Гильфердинг изучал западных славян и познакомился с выдающимися славистами Европы. Через своих московских друзей, в среде которых его нравственный авторитет был чрезвычайно высок, он организовал

денежную и материальную помощь славянскому населению. О. Ф. Кошелева, жена известного общественного деятеля и финансиста, писала М. П. Погодину в 1854 г., приглашая его присоединиться к пожертвованиям и привлечь известного миллионера В. А. Кокорева: «Объясните ему, что за человек Гильфердинг. Это не то, что послать обыкновенными путями, где половина суммы идет на украшение лампад и т. п. Он уж верно нуждающемуся подаст и всегда предпочтет человека паникадиле»⁴.

Гильфердинг побывал во всех уголках Европы, где сохранились древние славянские поселения. Опираясь на архивные свидетельства, он проехал по северу Германии, побывал на о-ве Рюген, нашел уцелевшие где-то за болотом поселения словинцев и описал особенности их диалекта; записывал также кашубские песни, сказки и пословицы⁵. А. Ф. Гильфердинг создавал «Историю балтийских славян», частями публиковавшуюся в «Москвитянине» и в 1855 г. вышедшую отдельной книгой. Позднее, перейдя к изучению южных славян, он не оставлял и эту тему, написав одну из лучших славистских работ о западных славянах — «Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века»⁶ (СПб., 1862).

Об «Истории балтийских славян» положительно отозвался Н. Г. Чернышевский⁷.

После 4 лет службы Гильфердинг был назначен консулом в Боснию. Секретарем при нем был А. С. Ионин, выпускник московского Лазаревского института⁸. В письмах к братьям Ефремовым, в особенности к Петру Александровичу, известному библиографу, литературоведу и коллекционеру, содержится описание его первой поездки в Боснию, приемов, деловых встреч и местных нравов. А. С. Ионин привез Гильфердингу, ожидавшему его в Рагузе, султанский фирман, т. е. официальное признание консулом и приглашение явиться на официальный прием в Сараево. Вот одно из свидетельств Ионина: «Мы отправились с консулом в путь верхами до самого Сараево, куда мы, за разными церемониями и остановками, приехали только на 12-й день, хотя настоящего пути, быстрого — только шесть. Вы себе представить не можете этого отчасти несносного путешествия по скалам и по склизким камням, по таким крутизнам, что нужно просто скатываться и совершенно без пути и дорог. Дикость невероятная, везде разрушение и ветхость, в народе апатия, доходящая до глупости» (л. 3, об.). Гильфердинга не привлекали официальные приемы и празднества: «Убийственные церемонии и кормление на убой отвратительною смесью жирных и сладких блюд», — писал он А. В. Плетневой, с которой был дружен в молодости⁹. Оставив дела на Ионина, Гильфердинг отправился вскоре путешествовать по землям южных славян, не смущаясь трудностями предстоящей поездки. «Я, вот уже неделя, как остался один в Сараеве и исправляю должность консула, — сообщал Ионин П. А. Ефремову 17 июля, — потому что мой Гильфердинг уехал собирать разные древности... Теперь я принял консульство на полтора месяца, а потом Гильфердинг, воротясь, пробудет с месяц и отправится в Петербург... Я впрочем тому и рад, что служу с очень хорошими людьми, совершенно не чиновниками» (л. 4, об.).

В конце августа сам Гильфердинг писал Срезневскому: «Я попал в славянскую часть Турции. (...) Рукописей вывез оттуда порядочный груз, в том числе и 21 пергаментная. Разумеется, большая часть богословского содержания, но есть и некоторые, неизвестные еще, исторические памятники»¹⁰. Перечисляя Срезневскому славянские поселения, которые он посетил, путешественник упоминает и обитель Грачаницу на Косовом поле, и Новый Влах, и Старый Пазар. Его временным попутчиком в поездке был Стефан Веркович, которого он горячо рекомендовал Срезневскому: «Скажу Вам несколько слов об этом человеке и уверен, что Вы поблагодарите меня за то, что я пригласил его быть сотрудником изданий, печатаемых императорскою Академиею на пользу славянской филологии и истории. С. Веркович уже шесть лет странствует по Турции из бескорыстной любви к науке. (...) Ему обязано Белградское общество

словестности большею частью монет сербских и болгарских, которые г. Янко Шафарик описал в „Глоснике“. Недавно нумизматические труды его увенчались находкою давно искомой монеты королевича Марка, существование которой составляет важный исторический факт»¹¹. Сообщая о необеспеченности и нищенском существовании Верковича, Гильфердинг с обычной для него обязательностью хлопочет о гонимом для Верковича за переданную для публикации статью и «несколько замечательных памятников Душановой эпохи». Гильфердинг описал религиозные и правовые притеснения славянского населения, низкий профессиональный уровень православного духовенства в сравнении с католическим, полуразрушенные монастыри и церкви, бесправие народа, грабительство турецких чиновников. Вот, например, свидетельство из письма А. В. Плетневой: «Взгляните на христианскую церковь в каком-нибудь селе: церковь эта одна на расстоянии трех-четырех дней пути и что же это за церковь? Маленькая хижина, меньше наименьшей комнаты *sous les combles* (под самой крышей.— З. В.) какой-нибудь парижской гостиницы; в ней голые выбеленные стены, вместо иконостаса голая деревянная перегородка; алтарь — голый каменный стол, иконы и сосуды мужики держат в своих хатах и приносят с собою, когда бывает служба (иначе турки бы их растаскали); служба бывает раза три или четыре в год, и то околотов счастлив, когда есть в нем такая церковь» (л. 12).

Понимая, как необходимо освобождение славянского населения от турецкого ига, Гильфердинг не видел, однако, для этого возможного реального пути: «Стать во главе народа, во главе христиан, чтобы вести их к приобретению человеческих прав и к просвещению — на это едва ли достанет у боснийской аристократии нравственных сил», — писал он в своем труде, созданном под свежим впечатлением совершенного путешествия¹². А. Н. Пыпин, рецензируя книгу, подчеркнул эту мысль: «Богатым выгоднее вести дружбу с турками, и они не только не защищают народ от притеснений, но сами выдают беспокойных туркам»¹³. По наблюдениям путешественника, народ получает нравственную опору и сознание своих сил и возможностей лишь при соприкосновении с живой историко-культурной традицией, со своим героическим прошлым: «К счастью, православные босняки усвоили себе цикл песен о князе Лазаре, Марке Краевиче и Кара-Георгии и в них находят пищу для своего духа и своих надежд» (с. 107). Слушая рассказы, предания и песни о национальных героях, он замечает «величественный эффект, производимый хоровым исполнением протяжных сербских песен» (с. 82). Одну из важных задач современности Гильфердинг видел в спасении национальных культурных ценностей и специально интересовался преданиями о жизни и гибели «юнака из юнаков» Марка Краевича (с. 99). Он спрашивал о песнях, посвященных этому герою, богатого мусульманина, который организовал концерт в честь русского консула. Услыхав в ответ, что такие песни поют редко, Гильфердинг заметил в путевом дневнике: «Мусульмане не жалуют этого героя, который так славно колотил их предков» (с. 28). Книга об этом путешествии, богатая фактами, этнографическими наблюдениями, ценными свидетельствами, и сейчас не утратила своего значения. В 1972 г. она переиздана в Сараеве на сербском языке.

Уже оставив дипломатическое поприще, Гильфердинг продолжал работу по изучению истории южных славян. Он переработал свои «Письма об истории сербов и болгар»¹⁴, дополнил их обзором славянских поселений в Элладе, Эпире и Пирее и издал труд под названием «История сербов и болгар»¹⁵. А. В. Никитенко назвал это произведение «драгоценным исследованием о судьбах славян в новое время»¹⁶. Книга была для своего времени серьезным научным достижением: в ней дана картина болгарского и сербского средневековья по источникам, отысканным автором в заброшенных монастырских архивах и у частных лиц. «Сведения о южных славянах были до тех пор крайне отрывочны и фантастичны, — заметила современная исследовательница славистики Л. П. Лаптева. —

Труд Гильфердинга для своего времени имел большое значение, высоко ценился в славянских странах и был переведен на сербский и немецкий языки»¹⁷.

В 1850-х годах Гильфердинг поддерживает дружеские отношения с учеными демократического лагеря: участвует в обзоре иностранной литературы «Отечественных записок», поддерживает дружеские отношения с Пыпиным, помогает С. Н. Палаузову своими материалами при работе над монографией «Ян Гуниади»¹⁸. В конце 1858 г. он женился на москвичке В. Ф. Ридель. Их единственный сын Федя умер от менингита в 1867 г.

В доме Гильфердинга с конца 1850-х годов собираются петербургские и московские друзья и знакомые, бывают гости из славянских стран. Привлекая людей разных взглядов и направлений, хозяин дома оставался неизменно доброжелательным, радушным, отзывчивым. Он гордился П. Н. Рыбниковым, первооткрывателем живого русского эпоса, пригласил его к себе, познакомил с друзьями, писал, например, В. И. Ламанскому: «Владимир Иванович, будьте дома в среду, в первом часу. Я привезу Вам Рыбникова, приехавшего из Петрозаводска. Если Вам нельзя, назначьте другой день, но на этой же неделе. Рыбников скоро уезжает»¹⁹. Письма Гильфердинга полны просьб о других, добрых рекомендаций: Ламанскому он рекомендовал серба К. Н. Алексича, хлопотал об уроках для буковинца Рожанковского, помог через В. И. Григоровича студенту Лилову, сообщив, что украинский помещик Галаган ищет гувернера для сына на выгодных условиях: 1200 р. серебром на всем готовом — и т. д. Но он же разоблачил некоего Ристича, представившегося «депутатом народа Герцеговины», а в действительности изгнанного из полка за кражу денег. В 1861 г. он добился разрешения подписки на славянские газеты всем желающим получать их в Петербурге и Одессе. Эти и многие другие факты раскрывают Гильфердинга не только как активного общественного деятеля, но и показывают его как подлинного демократа. Эти черты ярко проявились при его поездке на север и в Петербург, когда он принимал у себя выдающихся сказителей и организовал их публичные выступления — впервые в истории культурной жизни столицы.

В 1867 г. после Славянского съезда в Москве было создано отделение Славянского благотворительного комитета в Петербурге. Председателем его был избран Гильфердинг. Он сразу развернул кипучую деятельность, организуя благотворительные концерты, публичные чтения, живые картины для сбора средств нуждающимся студентам из славянских стран. По свидетельству М. П. Погодина, возникала мысль о создании для них специального «приюта» (типа общежития) и велись переговоры с известными общественными деятелями и финансистами В. А. Кокоревым, А. И. Кошелевым, С. И. Мамоновым, но осуществлению этой идеи помешала безвременная кончина инициатора.

В концертах с художественным чтением и живыми картинами участвовали А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Ф. И. Тютчев, музыкальное сопровождение готовил А. Г. Рубинштейн. Гильфердинг уделял много внимания организации такого рода концертов: добивался помещения для репетиций в Большом театре, подбирал чтецов, особенно заботливо и придирчиво относился к репертуару, стремясь популяризировать славянский фольклор и вызвать интерес к истории славян²⁰.

Научная и организационно-популяризаторская деятельность Гильфердинга была серьезным вкладом в развитие славяноведения, возбуждала интерес к истории славянских народов, сочувствие к их положению и свидетельствовала о цельности стремлений и интересов ученого. На заседаниях Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, по словам М. И. Семевского, можно было встретить ученых, писателей, артистов, банкиров, купцов, чиновников и образованных офицеров. Часть людей, присутствовавших на заседаниях, посещала и гильфердинговские вечера, где бывали литературные чтения (читалась, например, неопубликованная драма А. Н. Островского «Тушино»²¹). Высоко оценивались научные результаты Гильфердинга. «В освещении ряда

вопросов истории и этнографии славян он был первым не только в русской, но и в европейской науке. Работы Гильфердинга пользовались в XIX веке большим признанием и были переведены на несколько европейских языков. Фактическая сторона его трудов не утратила своего значения до настоящего времени», — справедливо считает Л. П. Лаптева²².

2. В 1870 г. Гильфердинг был избран председателем Этнографического отдела Русского географического общества (РГО). В сравнительно короткий срок его председательства оживились заседания отдела, на которых обсуждались и утверждались к печати «Остатки жизни полабских славян» С. П. Микуцкого, «Памятники народного творчества в Олонецкой губернии» Е. В. Барсова, куда вошли былины, духовные стихи, свадебные обычаи и песни Толвуйской волости, а также статья «Об олонецком песнетворчестве». Записи Барсова еще более укрепили интерес Гильфердинга к эпическому творчеству на севере (сборник вышел в «Записках РГО по отделению этнографии». Т. 3. СПб., 1873). Весной 1870 г. в Этнографический отдел поступили «Белорусские песни» П. В. Шейна, затем последовали дополнения к этому труду, и в октябре он был рассмотрен в полном объеме. Было решено печатать его, как и «Белорусские песни» И. И. Носовича, за счет Этнографического отдела. В 1871 г. обе рукописи поступили в типографию, но вышли из печати уже после смерти Гильфердинга — в 1873.

Знакомство с материалами Рыбникова пробудило в Гильфердинге давнее желание побывать на севере России. Много попутешествовав в молодости, он научился преодолевать трудности пути, приобрел опыт в общении с незнакомыми людьми, в записи произведений устной поэзии. Из переписки видно, что замысел поездки на север возник в начале 1860-х годов²³, но только в апреле 1871 г. было принято окончательное решение. «Имея перед собою два свободных месяца нынешним летом, я расположил свою поездку так, чтобы посетить местности, которые были мне указаны г. Рыбниковым как пребывание лучших сказителей», — писал он²⁴. Вместе со своим «служителем» Ефимом Ивановичем ученый-путешественник отправился пароходом до Петрозаводска²⁵. Разговорившись на палубе с крестьянами, он узнал, что там находится в гостях у сына один из сказителей былины: «И уже в самый день моего приезда я имел удовольствие услышать его прекрасные былины», — вспоминал он в той же статье. В Петрозаводске же ему указали слепого старика Иева Еремеева. Оказалось, что дальше им по пути, и Гильфердинг пригласил Иева ехать в одной лодке. Дорогой Иев пел свои старины. При остановке в с. Горском Гильфердинг прослушал их еще раз, чтобы проверить точность записи и степень устойчивости текста. Так началась его собирательская деятельность в Олонецком крае. За 2 месяца собиратель посетил более 30 населенных пунктов, записал от 71 сказителя более 300 текстов, некоторые сюжеты — впрямую.

Важный момент в собирательной деятельности Гильфердинга представляет работа со сказителями былин. Специалисты относят ее результаты к числу научных открытий. Появление крупного петербургского чиновника в среде онежских крестьян — «генерала», с внимательным и дружелюбно-уважительным отношением, с его спокойной любознательностью, произвело сильное впечатление по всему Заонежью²⁶. Первый познакомившийся с ним сказитель А. Е. Чуков сопровождал его до самого Каргополя и, как заметил собиратель, «был весьма полезен. Будучи по ремеслу крестьянским портным, он всю осень и зиму ходит по деревням Заонежья, останавливаясь там, где нужна его работа. Таким образом, у него есть знакомые во всех углах этого края» (с. 91—92). Поэтому не приходилось тратить время на поиски сказителей. В Повенец Гильфердинга провожал В. Я. Мореходов, Андрей Сорокин — в Сумозера на Водлозеро, а когда он поехал сухим путем через монастырь Данилов, то, как вспоминал Касьянов, крестьяне «под вечер, около восьми

часов через Губу увидели огонь и поехали туда на лодках и встретили его» (с. 695).

В воспоминаниях, написанных вскоре после внезапной смерти Гильфердинга, Касьянов с большой искренностью передал и свое восхищение им, и возникавшие иногда сомнения — настолько не похож был петербургский «генерал» на известных крестьянам губернских и уездных чиновников. Оказавшись по своим делам в Петербурге, Касьянов навестил Гильфердинга: «И думал я, что такой ли будет здесь весьма добрый, как был в наших местах, или не припустит и на глаза? Но однако что Бог ни даст, а попробую сходить». Опасения оказались напрасными. Гильфердинг «ласково и милостиво посадил подле себя. А генеральша сама наливала нам чай и с закускою. Но и опять я удивился, что генеральша сама наливает чай простому мужику» (с. 697). В то время крестьяне не только не смели садиться, они обязаны были при встрече с господами снимать шапку, а при разговоре стоять с непокрытой головой²⁷.

Доверительные отношения, установившиеся у собирателя с певцами, отразились в полевых записях. Некоторые певцы из опасения намеренно опускали сначала неудобные, на их взгляд, стихи, но потом восполняли пропуск. Так, Корсаков выпустил бранные слова Добрыниной матери неузнанному ею сыну, но позже спел пропущенное. Калинин опустил бранные слова по адресу князя Владимира и его княгини. В том и другом случаях пропущенные стихи написаны на полях с пометой: «Это он потом велел включить, говоря, что так поется». В первых двух изданиях «Онежских былин» эти стихи опускались и печатаны только в комментариях к третьему, советскому изданию²⁸. Чтобы спеть такие стихи «генералу» из Петербурга, надо было проникнуться к нему абсолютным доверием.

Именно у Гильфердинга певец-сказитель впервые предстал как живое лицо с индивидуальными вкусами, характером и судьбой, нередко определявшей и состав его репертуара, со своей манерой исполнения. В то же время собиратель запечатлел довольно высокую культуру знания эпоса. У него певцы поправляют друг друга, уточняют содержание отдельных кусков былины, иногда допевают один за другого. Иевлеву помогает Рябинин. На полях есть помета: «Рябинин помог» — и отмечены пропеты им стихи, а дальше указано: «Опять Иевлев». В другой раз замечено на полях: «Старик Аксенов плохо помнил эту былину, и некоторые стихи ему подсказывала Степанида Конева». В. Я. Мореходов из Кижей дополнил «Рахту Рагнозерского» «памятной ему подробностью, что московского князя звали Василий, а Рахте перед единоборством завязали глаза». Заметки на полях воссоздают естественную и непринужденную обстановку работы, доверительную простоту взаимного общения. В этом несомненная заслуга Гильфердинга. Он сумел поставить себя на равную ногу с представителями «податного сословия», проявив при этом необходимый такт и найдя нужный тон; в полной мере оценил талантливость выдающихся певцов, исключительную одаренность Рябинина, отметил благодарную отзывчивость крестьян в ответ на доброе к ним отношение.

А. М. Лобода первым обратил внимание на отношение Гильфердинга к народу. У ряда ученых оно грешило «или излишней официальностью, или же другою крайностью — „панібратством“». Ученому-собиателю были чужды обе крайности: «Полный сердечности и вместе с тем глубокого внутреннего достоинства, он умел затрагивать в человеке лучшие его чувства и сближаться на их почве; он таким образом не только имел счастье избежать участия в своего рода потворстве слабостям простого люда, но и содействовал облагораживанию его влиянием своей личности»²⁹. Верность этого наблюдения подтверждает пример И. А. Касьянова. Один из 5 грамотных среди 72 певцов, он находился под столь сильным впечатлением от личности Гильфердинга, что вскоре после смерти исследователя написал свое уникальное «Воспоминание крестьянина», единственный пример в истории науки, когда певец писал о собирателе.

В том же 1872 году Касьянов, явно движимый примером деятельности Гильфердинга и в память о нем, составил целую рукопись из шести тетрадей с описанием свадеб, текстами заговоров, лечебника, былин и исторических песен и передал ее в Этнографический отдел Географического общества. Кроме того, он выступил с исполнением былин в Петербурге.

Вероятно, Гильфердинг во время своей экспедиции приглашал выдающихся певцов побывать в Петербурге, и, по-видимому, тогда же у него возникла мысль организовать их выступления в столице. На первом же заседании Этнографического отдела, 25 сентября, сообщив о результатах путешествия, он заметил, что «было бы интересно послушать, как эти былины поются в народе», и предложил вызвать Рябинина, заявив, что издержки по его вызову и пребыванию в Петербурге он берет на себя, а отдел мог бы сделать ему подарок³⁰. После одобрения всех членов отдела он послал письмо Рябинину и олонечкому губернатору, которого просил содействовать поездке (Рябинину в это время было около 80 лет).

Первым, однако, к собирателю приехал В. П. Щеголенок, отправлявшийся в Киев на богомолье, и пробыл в Петербурге около недели. В это время Гильфердинг записал от него новые тексты и еще раз прослушал старые записи. На встречу со Щеголенком приглашались, видимо, друзья и знакомые, находившиеся в городе. Так, К. Н. Бестужеву-Рюмину было отправлено приглашение: «Ко мне явился один из моих новых друзей, заонежский „сказитель“. Приходите его послушать завтра в 8 часов вечера. Ваш А. Гильфердинг»³¹. Записка помечена 6 сентября. Гильфердинг заказал академику живописи Л. А. Серякову гравированный портрет Щеголенка и опубликовал его вместе со специальной статьей об искусстве певца и текстом былины «Первые подвиги Ильи Муромца»³².

И. А. Касьянов появился в Петербурге «по осени», в начале октября. Он пел в доме «своего благодетеля» 13 октября, а 15 октября выступал в Географическом обществе; это событие привлекло внимание газет³³. Позднее Касьянов был награжден бронзовой медалью³⁴.

Гильфердинг начал хлопоты о медалях для лучших сказителей до появления Рябинина в Петербурге, который приехал 22 ноября, как свидетельствует письмо собирателя к Л. Н. Майкову. Оно не было опубликовано, приведем текст полностью:

«22 ноября 1871 г.

Многоуважаемый Леонид Николаевич!

Граф Литке просит, чтобы Отделение наше скорее представило свой доклад о медалях, так как последнее заседание Совета будет в начале декабря. Кстати, приехал сегодня Рябинин, и для слушания его я полагаю назначить экстренное собрание Отделения в пятницу 3 декабря. Потому прошу Вас похлопотать, чтобы до того времени Ваша Комиссия кончила свое дело, и доклад о медалях мог бы быть прочитан в том же экстренном собрании. Пожалуйста, устройте это. Кстати, посылаю Вам предложение в Комиссию. Если Рябинина будет Вам интересно послушать прежде собрания, то милости прошу ко мне в четверг или пятницу вечером, в какой день будет для Вас удобнее; потрудитесь также дать знать Аполлону Николаевичу.

Ваш А. Гильфердинг»³⁵.

Более определенно сообщается о домашнем концерте Рябинина в записке к В. И. Ламанскому: «Приезжайте, пожалуйста, послушать Рябинина в пятницу в 8 часов вечера 24 ноября» (Письмо 24. Л. 47).

Таким образом, слушание Рябинина на квартире у Гильфердинга началось на другой же день после его приезда и продолжалось в следующие дни, судя по датам, проставленным под текстами, записанными от Рябинина в Петербурге: на 23-е приглашались Майковы, на 24-е — Ламанский и, вероятно,

другие заинтересованные лица; под 11 текстами стоят даты 25, 26 и 27 ноября. По свидетельству М. И. Семевского, Рябинин пел и в некоторых других частных домах. Одновременно велась подготовка к двум большим его концертам. В Географическом обществе состоялось специальное заседание, на котором присутствовали президенты Академии наук и Географического общества, члены Этнографического отдела, искусствовед В. В. Стасов, проф. О. Ф. Миллер, другие представители образованной части общества, студенты. По сообщениям газет, этот первый в истории науки публичный этнографический концерт «привлек в заседание громадную публику, большая часть которой за неизменным местом стояла»³⁶. Через день состоялся концерт в Славянском комитете. Как уже отмечал К. В. Чистов, этим было положено начало замечательной культурной традиции — непосредственного знакомства слушателей с исполнителями и хранителями народного эпического наследия.

Редакция «Русской старины» обратилась к художнику Н. Ф. Доссу с заказом сделать фотопортрет Рябинина, мастерски воспроизведенный гравером акад. Л. А. Серяковым. Он публиковался во всех изданиях «Онежских былин», но впервые — в «Русской старине» вместе с биографическим очерком Гильфердинга и тремя текстами былин.

Рассказывая в печати о певцах былин, организуя их выступления, заботясь о достойном их вознаграждении, Гильфердинг добивался общественного и официального признания талантов из народной среды; это было проявлением его подлинного демократизма и высокого понимания ценности эпического творчества для истории народной художественной культуры.

3. Первые сообщения о результатах экспедиции Гильфердинга вызвали огромный интерес не только в России, но и в Европе. До появления сборника былин к собирателю обратился английский русист, библиотекарь Британского музея В. Р. Ролстон (в дореволюционных изданиях — Ральстон), просивший прислать ему корректуру печатавшейся в «Вестнике Европы» статьи об олонечском эпосе. Он узнал из газет и об экспедиционном отчете в заседании Этнографического отдела РГО, и о намеченной публикации этого отчета в виде статьи. Работая над книгой о русской устной народной поэзии, Ролстон хотел использовать и сведения, полученные Гильфердингом³⁷. В архиве М. М. Стасюлевича сохранилось письмо Гильфердинга с просьбой послать отпечаток статьи по английскому адресу: «Посылаю Вам при этом в подлиннике письмо Ральстона», — писал он³⁸.

Рецензенты единодушно давали «Онежским былинам» высокую оценку. Значение сборника для истории русского эпоса было осознано сразу. В «Голосе» подчеркивались достоверность и беспристрастность в отборе фактов вступительной статьи, богатство материала, «освещающего многое новым светом, чисто народным»³⁹. Н. Д. Квашнин-Самарин нашел в сборнике немало открытий, и «каждое из них бросает яркий свет на эпос», а из былин «иные были вовсе неизвестны (например, „Старина о большом быке“.— З. В.), а другие явились в новых и любопытных вариантах»⁴⁰. Н. И. Баталин и М. И. Колосов обратили внимание на значение сборника «в этнографическом и филологическом отношении», на появление биографических сведений о певцах, на народные объяснения отдельных слов и выражений⁴¹. Л. Н. Майков подчеркнул ответственное и высококвалифицированное отношение автора и собирателя к предмету исследования: «Именно благодаря этой сознательности, этой умелости этнографа-наблюдателя и собирателя и получились новые и богатые плоды — обширный запас данных и материалов, которые ждут теперь дальнейшей научной разработки»⁴². Особенно важна оценка А. Н. Пыпина, вышедшая из демократического лагеря науки. Относя собирателя к числу «самых гуманных и вольномыслящих деятелей», он писал: «Исследователь понял свою задачу так широко и серьезно, как только можно было желать; специальная задача не закрыла от него вопроса о целом быте виденного им народа, и он относится к этому народу с таким вниманием, с таким разумением его тяжких дум,

говорит о них с такой убедительностью и иногда с такой смелостью, которые вызывают самое полное сочувствие»⁴³.

Второе издание готовилось к 25-летию памяти Гильфердинга, но третий том вышел только в 1900 г., а указатели — в 1909 г.⁴⁴

В связи с выходом первого тома академического издания В. Ф. Миллер, новый председатель Этнографического отделения, прочитал специальную лекцию, в которой заметил, что «нигде в Европе интерес к народу, его жизни, его духовному складу не был поднят так высоко, как в нашем отечестве», и назвал второе издание для своего времени образцовым: «Соблюдение былинных размеров, точность в передаче особенностей местного говора, указание местностей, биографические данные о сказителях, даже сведения о лицах, от которых тот или другой сказитель „перенял“ былины, дневник путешествия, личные наблюдения местных бытовых особенностей — все это делает сборник Гильфердинга незаменимым источником для изучения современного состояния эпической традиции»⁴⁵.

А. М. Лобода, сравнивая итоги деятельности двух выдающихся собирателей эпоса — Гильфердинга и Рыбникова, отметил принципиально важный момент — создание метода, «системы» записи, которые впоследствии оказали влияние на весь процесс собирания и исследования фольклора: «С появлением в печати собранного Гильфердингом материала стало ясно, какую массу нового, подчас едва уловимого на первый взгляд сумел он извлечь оттуда, где уже была собрана обильная жатва. Записи Рыбникова (прибегая к аллегории) — это сказочный мертвец, уже спрыснутый мертвой водой, но еще ожидающий живой воды. У Рыбникова пропадает стих, язык, этнографическое освещение былины. Сведения о том, как и где были найдены былины, появились у него лишь в третьей части издания, уже после замечаний по этому поводу критики, да и то не в полном виде. <...> Опыт Рыбникова Гильфердинг развил в целую систему. Его записи буквально передают не только содержание, но и самый склад былины, ее форму, дух, язык...»⁴⁶.

Третье издание «Онежских былин» было подготовлено во второй половине 1930-х годов. Сложность внутриполитической обстановки в стране сказалась на состоянии науки о фольклоре. В дискуссии по эпосу была подвергнута критике историческая школа и перечеркнуты достижения русского эпосоведения дореволюционных лет. В это же время резко осуждалось славянофильство как одна из форм общественной мысли. Эти обстоятельства не могли не сказаться на оценке наследия Гильфердинга при подготовке третьего издания. О ненормальной обстановке, в которой шла работа, говорит уже то обстоятельство, что печатание началось со второго тома, вышел и третий, а первый том так и не был издан. А. И. Никифоров, текстолог, готовивший материал к изданию, был арестован; заменивший его замечательный ученый, собиратель и издатель фольклора Г. С. Виноградов, уволенный ранее из Иркутского университета, не мог что-либо изменить в отношении к наследию Гильфердинга.

Предпринятое во второй половине 1940-х годов четвертое издание было повторением третьего с добавлением первого тома. Оно готовилось в не менее напряженный период, между двумя печальной памяти кампаниями: постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград» и о космополитизме. Во вступительной статье Гильфердинг был противопоставлен Рыбникову, обвинен в формализме, его замечательный метод записи назван был формалистическим, а внимание к личному элементу в сказительстве — формальным. Ученый был обвинен в создании теории вариативности, «несущей в себе новую опасность, выразившуюся в эмпирическом подходе к народному творчеству»; он, оказывается, «ориентировал на отрыв формы от содержания». Гильфердинг оказался в ответе за те крайности, которые будто бы сложились в науке 1930-х годов⁴⁷. О прежних высоких оценках его деятельности выдающимися русскими учеными вообще не упоминалось. Игнорировалось и подтверждение точности его наблюдений Харузиным и экспедицией братьев Б. и Ю. Соколовых «По следам

Рыбникова и Гильфердинга»⁴⁸. Эта новая характеристика Гильфердинга противоречила прежним высоким оценкам европейских и русских ученых, зато она оказалась в связи с выводами А. И. Никифорова, определившего один из приемов сокращения текста собирателем как «механический перенос», хотя определение «механический» ни в какой мере нельзя отнести к методу записи, выработанному Гильфердингом. Не было принято во внимание, что перенос нескольких стихов, буквально совпадающих, имел место в 48 случаях на 322 текста и не всегда был простым переносом, так как собиратель записывал нередко начала стихов, а дальше, по-видимому, следил по сделанной ранее записи (тексты фиксировались на отдельных листах). Буквальное совпадение формул былинного стиха отмечали и последующие собиратели: Н. Е. Ончуков, А. Д. Григорьев, А. М. Астахова, В. И. Чичеров, П. Д. Ухов, К. В. Чистов. Но именно за Гильфердингом закрепилось обвинение в «механическом» переносе, хотя абсолютное совпадение формул в былинном стихе подтверждается в ряде случаев и сплошной записью в рукописях собирателя. Само соотношение пресловутых «механических переносов» со всем объемом текстов показывает, что это был вынужденный прием сокращения текста, к которому собиратель прибегал лишь в необходимых случаях, большей частью во второй месяц работы, когда начала сказываться усталость от постоянного напряженного писания: ведь записанного им за 2 месяца хватило на три солидных тома.

В этот же период давались и другие оценки деятельности Гильфердинга. М. К. Азадовский в «Истории русской фольклористики» дал четкую характеристику заслуг ученого: им была создана новая методика записи текста и разрушены старые мифическо-романтические представления о массовом эпическом творчестве. «Гильфердинг был одним из первых среди академических ученых,— писал А. К. Азадовский,— который обратился непосредственно к изучению живого фольклорного материала; он приступил к этому делу во всеоружии научной методологии, внося в дело собирания строгий филологический метод и исследовательские навыки. <...> Записи былин, сделанные Гильфердингом, превосходят все предыдущие сборники точностью в передаче диалектологических особенностей»⁴⁹.

Вслед за О. Ф. Миллером Азадовский признал, что открытия Гильфердинга в области эпоса имеют общеевропейское значение. Он углубил анализ достижений ученого, данный ранее русской наукой.

Подводя итог сказанному, уместно напомнить оценку Лободы: «Разносторонняя, не только ученая, но и общественная деятельность Гильфердинга содействовала широте его взглядов; смелость и глубина мысли, а также редкая ясность и отчетливость ее сообщали всем трудам Гильфердинга глубокий интерес, интерес широких картин, мастерских обобщений, остроумных соображений, смелых догадок, которые если и не всегда оправдываются наукой, то зато всегда двигают ее дальше. Ко всему этому прибавьте заметную в самых сухих исследованиях свежесть — отражение природной живости ума и характера Гильфердинга — и ту изящную непринужденность, которая являлась следствием замечательной легкости, с какою давалась самая многосложная работа этому человеку»⁵⁰.

Оценивая сделанное Гильфердингом, нельзя не признать, что он действительно совершил «беспримерный научный подвиг», поставив интересы науки выше личных и служебных дел. Отмечая 160-летие ученого, хотелось бы воздать должное его заслугам и напомнить современным читателям об этом замечательном ученом и человеке.

¹ Письма А. Ф. Гильфердинга И. С. Аксакову // Голос минувшего. 1916. № 2. (письмо от 6 мая 1862 г.).

² Бестужев-Юмин писал: «Была бы очень интересна подробная его биография, но для нее нужна обширная подготовительная работа, в особенности потому, что его служебная деятельность тесно связана с его воззрениями: и общим направлением его жизни, для изучения которой необходимо и ознакомление с архивами. (...) В настоящее время ограничимся кратким очерком его жизни и трудов, основываясь на сообщениях, появившихся в печати, и на личных воспоминаниях» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. 1. СПб., 1894. С. XXII).

³ Бахтин В. С. Дополнение к сборнику А. Ф. Гильфердинга (Былины И. А. Касьянова) // Русский фольклор. Вып. 2. М.; Л., 1957. С. 225.

⁴ Письма О. Ф. Кошелевой к М. П. Погодину // Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. (Далее — ГБЛ). Ф. 231. Оп. 1. П. 4. Л. 114.

⁵ См. письма А. Ф. Гильфердинга к И. И. Срезневскому: Ленинградское отд. Архива АН СССР. Ф. 216. Оп. 1. № 184. Л. 70 (письмо от 21.VII.1856). Записи фольклора и наиболее ценные письменные тексты, обнаруженные Гильфердингом у населения, Срезневский регулярно публиковал в «Известиях ОРЯС Академии наук», которые он редактировал и комплектовал (1856—1860).

⁶ По фактическому материалу, особенно связанному с религиозным бытом балтийских славян, исследования Гильфердинга превосходили работы его предшественников. «В русской и во всей славянской историографии это было первое подробное сочинение о балтийских славянах» (Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С. 122). По отзыву акад. А. А. Куника, рецензировавшего эту работу, она была удостоена высокой Уваровской премии (Отчет о 5-м присуждении наград графа Уварова 26 сентября 1862 г. СПб., 1862. С. 13—15, 36—42).

⁷ Современник. 1856. № 6. С. 55.

⁸ Ионин Александр Сергеевич (1837—1900) — старший брат дипломата и борца за свободу славян во время русско-турецкой войны Ионина Владимира Сергеевича (1838—1886), впоследствии министр-резидент в Черногории, посол в Бразилии, автор четырех томов очерков «По Южной Америке» (Т. 1—3. СПб., 1892—1893; Т. 4. СПб., 1902). Писал также под псевдонимами: Асенин, С-ч, Александр. Далее цитируются его письма к Ефремовым, хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР (Ф. 103, Оп. 2. № 30, 31), с указанием в тексте листов. Личный фонд А. С. Ионина, содержащий и его письма, хранится в Центральном гос. архиве Октябрьской революции (ЦГАОР).

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 239. Оп. 4. № 53. Л. 10 об. К письму приложен рисунок карандашом, на котором изображены упитанные турецкие чиновники за пиршественным столом, и среди них Гильфердинг изобразил себя в очках.

¹⁰ ЛО Архива АН СССР. Ф. 216. Оп. 5. № 184 (письмо от 26.VIII.1857). Гильфердинг передал в Петербургскую публичную библиотеку 105 рукописей, относящихся к XIII—XIV, XV—XVI вв. См.: Мошин А. К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга // Тр. Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 409—417.

¹¹ Веркович Стефан (1827—1893) — археограф, нумизмат, собиратель и издатель народных песен, уроженец Боснии. Им подготовлены «Народные песне македонски булгара» (Кн. 1. Белград, 1860) и известные сборники «Веда словена» 1874 и 1881 гг., в которых тексты оказались искусной подделкой учителя Гологанова, получившего образование в Греции, знавшего античность и хорошо знакомого с теориями о древности болгарской культуры. Часть рукописей была передана Верковичем в Петербургскую публичную библиотеку.

¹² Гильфердинг А. Ф. Босния, Герцеговина и старая Сербия // Записки РГО. 1859. Кн. 13. Книга была удостоена Демидовской премии (см.: 29-е присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1860. С. 22—24, 130—136, отзыв И. И. Срезневского). Второе изд.: Гильфердинг А. Ф. Собр. соч. СПб., 1873. Т. 3. С. 263. Далее ссылка на это издание в тексте с указанием страниц.

¹³ Современник. 1860. № 3. С. 121—122.

¹⁴ Первые публиковались в «Московских ведомостях» 1854—1855 гг.

¹⁵ Гильфердинг А. Ф. Собр. соч. Т. 3. СПб., 1868.

¹⁶ Записки Академии наук. Т. 22. Кн. 1. С. 58—60; см. также: С.-Петербургские ведомости. 1873. 8 марта. Л. 2.

¹⁷ Славяноведение в дореволюционной России. С. 123.

¹⁸ Русское слово. 1860. № 11—12.

¹⁹ ЛО Архива АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. № 362. Л. 63. Далее при цитировании листы указаны в тексте статьи. См. также письма А. Ф. Гильфердинга к М. П. Погодину (ГБЛ. Ф. 231. II—Пог. П. 1. № 41. Л. 2), где обсуждаются многие факты благотворительной деятельности Гильфердинга.

²⁰ Гильфердинг писал А. Н. Майкову, убеждая прочесть отрывки из поэм, запечатлевших увлечение поэта историей древнего Рима и славянским фольклором: «Не вижу никакого, ни малейшего опасения прочесть „Первую встречу славян с римским кесарем“. Поэма прекрасная, и никакого „неудобного“ впечатления она произвести не может. О замене ее чем-либо другим и думать теперь нечего, да и нет повода. Я думал только для чтения на театре сократить речь славян и императора, но это предоставляется Вашему поэтическому чутью» (л. 10). В другом письме он отвергает сцену охоты из «Пана Тадеуша» Мицкевича и «Олегов щит» из «политических» соображений и предлагает записанное им поморское сказание («Эффект изумления датского короля

мне кажется очень пригодным для картины»), малороссийскую думу о смерти Хмельницкого («Картина представляла бы, как закаленные в бою вожди преклоняются перед цветущим мальчиком при одре седого старика») и свадебный фольклор («Я думаю, что польская свадебная песня, которую посылаю в буквальном переводе, окажется пригодною» (Письма А. Ф. Гильфердинга к А. Н. Майкову // РО ИРЛИ. Шифрованный фонд. № 16764. Л. 8)).

²¹ См. письма Гильфердинга к В. И. Ламанскому. Л. 15.

²² Славяноведение в дореволюционной России. С. 122—123.

²³ Письмо Д. А. Хомякова к П. А. Бессонову от 12 июля 1862. // Гос. ист. музей. Ф. 56, ед. хр. 532, Л. 19.

²⁴ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Вестник Европы. 1872. № 3. С. 82. Далее ссылки в тексте с указанием страниц в скобках.

²⁵ Сказитель И. А. Касьянов вспоминал, что сначала увидел «служителя при нем Ефима Ивановича, который собою очень приветливый и скромный» (Русская старина. 1872, декабрь. С. 695. Далее ссылки в тексте с указанием страниц). Сам Гильфердинг в указанной выше статье упоминал: «Со мной ехал русский простолюдин, петербургский житель» (с. 8). Ухаживая за больным Гильфердингом, Ефим Иванович сам заразился тифом. Дальнейшая судьба его неизвестна.

²⁶ Гильфердинг имел чин статского советника, что по табели о рангах соответствовало генералскому чину.

²⁷ Тип поведения Гильфердинга не был продиктован стремлением завоевать доверие крестьян; сказалась подлинная сущность его высокогуманной натуры, его подлинный демократизм, вполне сочетавшийся с некоторым консерватизмом взглядов. Приобретая в с. Арефино Валдайского уезда дом и участок земли в 1860-х годах, он вскоре подружился с крестьянами и писал М. И. Семевскому, посещавшему его: «Жаль, что Вас не было у нас в эти дни. Матвеев вырос в собственных глазах с тех пор, как мы получили из Петербурга молотильную машину и он оказался способным ее „справить“ без помощи механизма. Федот женился, и при женитьбе его было немало комичного...» (РО ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. № 117. Л. 2 (письмо от 24 августа 1862 г.)).

²⁸ Князь тот будто пёс да меледеньский,

А княгиня будто сука меледеньская.

Князь тот будто пёс же на цепочке,

А княгиня будто сука на веревочке —

От живого мужа женщину просватали (Добрыня Никитич. № 5).

Эпитет «меледеньский» заключает в себе элемент отрицательный: меледять — заниматься пустяками, праздно проводить время. См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1955. С. 322 (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 710).

²⁹ Лобода А. М. Памяти А. Ф. Гильфердинга (К 25-летней годовщине его смерти) // Этнографическое обозрение. 1897. № 4. С. 98.

³⁰ Подарок предполагался в размере ста рублей. См.: Чистов К. В. Севернорусские сказители и осознание былин общезначимым наследием русских // Его же. Народные традиции и фольклор. Л., 1986.

³¹ РО ИРЛИ. Шифрованный фонд 24 745. Письма А. Ф. Гильфердинга к К. Н. Бестужеву-Рюмину. Письмо 7. Л. 19.

³² Всемирная иллюстрация. 1871. Т. VI. № 149.

³³ С.-Петербургский листок. 17.X.1871.

³⁴ Олонецкие губернские ведомости. 1872. № 37, 51, 83 — о выступлениях в Петербурге и Петрозаводске. См. также: Бахтин В. С. Указ. раб. С. 225; Чистов К. В. Указ. раб. С. 86—100.

³⁵ РО ИРЛИ. Шифрованный фонд. № 8888. Письма А. Ф. Гильфердинга к Л. Н. Майкову. Письмо 2-е. Л. 4.

³⁶ Русский мир. 1871. № 95 (5 декабря)

³⁷ В. Р. Ролстон присутствовал в 1867 г. на Славянском съезде в Москве, был знаком с А. Н. Афанасьевым, навещал его в 1870 г. После смерти ученого посвятил ему некролог, появившийся ранее траурных известий в русской периодике. После выхода «Онежских былин» он поместил рецензию в (Saturday Review) 1873. № 22. Появились рецензии в журналах «Satur-Globus» 1873. Во. 25. № 3, без указания автора, и в Revue de Deux Mondes 1874. 1 VII. Arthur Rambaud. В русской периодике было более 20 рецензий и обзор.

³⁸ РО ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. № 421.

³⁹ Голос. 1873. 23 мая. С. 1—2.

⁴⁰ Квашнин-Самарин Н. Д. Новые источники изучения русского эпоса // Русский вестник. 1874. № 9. С. 1—44; № 10. С. 768—803.

⁴¹ Филологические записки. СПб., 1873. Вып. 1. С. 42—44; 1874. Вып. 2. С. 1—17.

⁴² Журнал Мин-ва народного просвещения. 1873. № 8. С. 447—459.

⁴³ П[ыпин] А. Н. А. Ф. Гильфердинг // Вестник Европы. 1872. № 8. С. 905—906.

⁴⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 2-е изд. СПб., 1894. Т. 1; СПб., 1896. Т. 2; СПб., 1900. Т. 3; Васильев Н. В. Указатель к «Онежским былинам» А. Ф. Гильфердинга. СПб., 1909.

⁴⁵ Миллер В. Ф. Былинное предание в Олонецкой губернии // Русская мысль. Кн. III. 1894. С. 1—18.

⁴⁶ Лобода А. М. Памяти А. Ф. Гильфердинга (К 25-летней годовщине его смерти). С. 92, 94.

⁴⁷ *Базанов В. Г.* А. Ф. Гильфердинг и его «Онежские былины» // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М., 1949. Т. 1. С. 28. В последующих переизданиях статьи в разных сборниках этого автора указанные обвинения постепенно снимались, но противопоставление Рыбникову сохранилось, несмотря на его искусственность.

⁴⁸ «Надо отдать справедливость Гильфердингу: и в записи текстов, и во внимательном проникновении в природу, быт края он обнаружил великую правдивость» (*Соколов Ю.* По следам Рыбникова и Гильфердинга // Художественный фольклор. Л., 1929. № 2—3. С. 9. См. также: *Харузина В. Н.* На севере. М., 1890. С. 67—71. Она подтверждает знание былин старообрядцами, отмеченное Гильфердингом, и описывает исполнение былины Н. П. Прохоровым, по прозвищу «Утка» в состязании с другим знатоком эпоса. От Прохорова делал записи и Гильфердинг почти на два десятилетия ранее.

⁴⁹ *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1962. Т. 2. С. 228.

⁵⁰ *Лобода А. М.* Памяти А. Ф. Гильфердинга. С. 90.